

Гносеология одной шутки, или Нешуточная гносеология (на материале романа в стихах А.С. Пушкина «Евгений Онегин»)

Gnoseology of one joke, or Serious gnoseology (by novel A. S. Pushkin «Eugene Onegin»)

Андреев А.Н.

д-р филол. наук, профессор, профессор кафедры педагогики и психологии профессионального образования ФГБОУ ВО МГУТУ им. К.Г. Разумовского (ПКУ), Москва
e-mail: anandreev58@gmail.ru

Andreyev A.N.

Doctor of Philological Sciences, Professor, Professor of The Department of the pedagogy and psychology of the professional education K.G. Razumovsky MSUTM (FCU) Moscow
e-mail: anandreev58@gmail.ru

Кащенко Т.Л.

канд. филос. наук, доцент, доцент кафедры педагогики и психологии профессионального образования ФГБОУ ВО МГУТУ им. К.Г. Разумовского (ПКУ), Москва

Kashchenko T.L.

Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of The Department of the pedagogy and psychology of the professional education (K.G. Razumovsky MSUTM (FCU), Moscow

Аннотация

Шутливый дискурс романа в стихах «Евгений Онегин» предлагается осознать как оборотную сторону неисчерпаемой смысловой глубины произведения. С этой целью анализируется всего одна шутка из романа, по которой можно судить о фундаментальности концепции пушкинского творения. Невинная шутка, при ближайшем рассмотрении, промаркирована экзистенциальными смыслами. Более того, она не только содержит, но и продуцирует эти смыслы. Чтобы понять всю глубину шутки, необходимо придерживаться целостно-антропологической методологии.

Ключевые слова: Пушкин, роман в стихах, Евгений Онегин, бессознательное, Татьяна Ларина, любовь, счастье, психика, сознание.

Abstract

Humorous discourse of the novel in verse "Eugene Onegin" is realized here as the reverse side of the inexhaustible semantic depth of the work. From that point, we analyze only one joke from the novel reflecting the fundamentality of the concept of Pushkin's creation. Upon closer inspection, innocent joke is filled with existential meanings. Moreover, it is not just contains, but also produces these meanings. To understand the depth of the joke, you need to adhere to a holistic anthropological methodology.

Keywords: Pushkin, novel, Eugene Onegin, Tatjana, unconscious, love, happiness, psychics, conscience.

Великую литературу от просто литературы, гениальную от просто хорошей, отличают два обстоятельства.

1. В плане содержательном великая литература отличается тем, что *подлинным предметом изображения писателя становится процесс превращения человека в личность*. Нет этого процесса – нет великой литературы. Такая литература превращается в способ «духовного производства человека». «Личность», с точки зрения духовно-информационных возможностей, отличается от «человека» количеством и качеством потребляемой и обрабатываемой духовной информации: в первом случае мы имеем дело с регуляцией процесса жизнедеятельности от «ума», с управлением сознательного типа, во втором – с регуляцией всех отношений с миром, в том числе с собой, от души, от психики (бессознательный тип регуляции). Разумеется, «человека» невозможно оторвать от «личности»: эти стороны человека, становящиеся функциями культуры, следует не только диалектически развести, но и диалектически увязать друг с другом, продлить одно измерение в другое. И все же в плане принципиальном, в плане различий между психикой и сознанием (становящихся, в свою очередь, проявлением различий между натурой и культурой), разграничения между разными субъектами культуры – налицо. В литературе заурядной главным героем становится по преимуществу «человек», в литературе великой (которая и является, собственно, художественной) – «личность».

Итак, *человека от личности отделяет способ управления духовной информацией. Способом превращения человека в личность выступает умение мыслить*.

Именно конфликт типов управления информацией и является *объектом* изображения в литературе, ибо все духовные коллизии человека коренятся в информационной природе конфликта.

2. Для того чтобы изобразить личность, требуются совершенно особые навыки (здесь от плана содержания мы переходим к плану выражения, так сказать, от вещества художественности к ее технологии). Приращение смысла в произведении, организованном по законам художественности, происходит не по «частям» и не по «кусочкам», из которых лепится целое, а с помощью «единиц», которые можно назвать «моменты целого». Океан набирается из отдельных капель, которые содержат в себе все свойства океана. Гениальные романы, несмотря на свой чудовищный по художественным меркам объем, состоят из фрагментов, которые так или иначе содержат в себе целое (например, «Война и мир», где каждая строка, реплика, каждый образ, каждая глава мало того что выверены и «отделаны», они еще занимают строго отведенное им место в структуре целого, и самим местоположением – то есть сопряжением со всеми иными строками, репликами, образами, главами – концентрируют, «распределяют» и упорядочивают смыслы). Причем чем более качественных характеристик целого содержит отдельный фрагмент, тем он более индивидуален и выразителен – с одной стороны; а с другой – именно из уникальных в своей выразительности моментов структурируется то самое художественное целое. Собственно говоря, в этом и заключена природа художественности, природа мышления образного, оперирующего суммами смыслов, умеющего через «одно» (конкретное, единичное, уникальное) передавать «все» (абстрактное, общее, универсальное). Высшее, родовое проявление художественности – это когда в «одном» непременно отражается «все», и это «одно» направлено на воплощение личности. Для этого и только для этого необходим стиль.

Стиль, иначе говоря, рождается там, где присутствует художественность, ибо это способ воплощения художественности.

Таким образом, быть великим писателем – дело достаточно простое, за исключением того пустячка, что стать им невозможно: надо им родиться. (То же самое, кстати, следует сказать и в отношении литературоведов.)

Для демонстрации этих двух фундаментальных положений мы обратимся к совершенно неприметной, «проходной», на первый взгляд, шутке (не исключено, что многие и вовсе не разглядят здесь шуточного умысла), взятой из гениального романа в стихах А.С. Пушкина «Евгений Онегин» (конец Главы четвертой, строфа XLVIII, [1]). Чтобы понять и оценить

весь ее смысл, надо воспринять ее в контексте целого, чрезвычайно сложно устроенного, романа.

Итак, «беседуют друзья», Евгений Онегин и Владимир Ленский. Начинает Евгений (действие происходит в глуши, в имении Онегина, зимой, за обедом, у камина, в тот час, когда «вечерняя находит мгла»).

«Ну, что соседки? Что Татьяна?
Что Ольга резвая твоя?»
- Налей еще мне полстакана...
Довольно, милый... Вся семья
Здорова; кланяться велели.
Ах, милый, как похорошели
У Ольги плечи, что за грудь!
Что за душа!.. Когда-нибудь
Заедем к ним; ты их обяжешь;
А то, мой друг, суди ты сам:
Два раза заглянул, а там
Уж к ним и носу не покажешь.
Да вот... какой же я болван!
Ты к ним на той неделе зван!

На самом деле перед нами не два, а три участника беседы: кроме Онегина и Ленского «незримо присутствует» еще и повествователь, иначе никакой шутки (которую мы выделили жирным курсивом) и не получилось бы. Да вот, еще предполагается наличие читателя, но в каком качестве и на каких правах он будет участвовать в беседе, зависит от него. Читатель «зван», приглашен; если он поймет и оценит всю глубину шутки, то будет «избран» – улыбнется вместе с повествователем, а если поймет неправильно, то попадет в число тех, над кем повествователь посмеивается. Шутки в гениальных произведениях – дело серьезное.

По крайней мере, двое из участков беседы, повествователь и Онегин, относятся к тому крайне редкому роду людей, который мы квалифицировали как личность. Ленский явно не попадает в этот разряд: он всего лишь «простодушный» поэт, простой человек. Комизм ситуации в том, что он «проговаривается». Он сказал правду, но ту правду, которую ему, как поэту, говорить было не к лицу, так сказать, не по чину. Ведь «Он пел разлуку и печаль, И *ничто*, и *туманну даль*, И романтические розы»; «Он в песнях гордо сохранил Всегда возвышенные чувства»; «Он верил, что душа родная Соединиться с ним должна». Он был уполномочен, призван заботиться именно о душе (ибо он разделял миф о поэтах и поэзии). Поэт специализируется на неземном. И вдруг запросто признался, что все это шелуха, что на самом деле его интересуют в Ольге плечи и грудь, то есть начало телесное, вовсе не возвышенное. Он выболтал тайну, которую скрывал прежде всего от самого себя. Потом спохватился и вспомнил о душе, вспомнил о приличиях и о «чине». Но слово не воробей...

Разумеется, это вызывает улыбку.

Но это только первая, видимая часть шутки, выставленная на всеобщее обозрение. Главная и подспудная заключается в том, что представления Ленского о душе условны, фальшивы и мало чем отличаются от впечатлений, полученных от тех же «плеч», и это как никому другому, известно Онегину.

Онегин исходит из другой, вовсе не поэтической, философии человека.¹ Для него, кроме души и связанных с нею чувств, самым ценным в человеке является ум, разум. Нам (читателям) известно, что Онегин, когда ему было столько же лет, сколько «шутнику» Ленскому, сполна отдал дань чувствам, страстям – даже «науке страсти нежной». Нам известен также результат: «Кто жил и мыслил, тот не может, В душе не презирать людей». Собственно, это, умение мыслить, и есть начало зрелости человека. Евгений давно понял,

¹ Следует отметить, что формирование личности главного героя во многом обуславливалось теми внешними обстоятельствами, в которых оно происходило. Подробнее об этом см.: [2; 3; 4; 5; 6; 7; 8].

что душа, то есть чувства, это способ завуалировать потребности тела, и цинично эксплуатировал это свое раннее знание («Как рано мог он лицемерить» и т.д.) – до тех пор, пока не осознал свою зависимость от тела, от телесных удовольствий как унижительную в духовном отношении. Философ Онегин живет умом, выстраивает свои отношения с миром на основе понимания. А поэт Ленский, который «сердцем милый был невежда», живет надеждами, «мечтою сладкой» (уже догадываясь, как видим, что поэзия – только флер, скрывающий нечто малопоэтическое).

Шутка обнажила иллюзорную природу душевно-поэтического отношения. Онегин
Слушал Ленского с улыбкой.
Поэта пылкий разговор
И ум, еще в сужденьях зыбкой,
И вечно вдохновенный взор, –
Онегину все было ново (...).

Евгений думал:

Пусть покамест он (Ленский – А.А.) живет
Да верит мира совершенству;
Простим горячке юных лет
И юный жар, и юный бред.

Итак, шутка состоялась сразу в нескольких отношениях: она одновременно адресована тем «людям», которые, в принципе, находятся на стороне (и на уровне) Ленского, «верят мира совершенству», надеются и мечтают, – и тем, кто относится к «горячке» и «бреду» «с улыбкой». Первые никогда не поймут вторых, вторые никогда не разубедят первых.

Если вы уловили только первую, «внешнюю», часть шутки, то не вы смеетесь последним, ибо вы поддались на поэтическую провокацию и не прошли тест на «философа»: вы также разделяете наивные взгляды Ленского, согласно которым в человеке есть тело и душа, а душа и есть тот самый дух, который вселяется в личность; вы попадаете в число тех, над кем смеется повествователь вместе с Онегиным. Строго говоря, даже если бы Ленский начал не с плеч, а с души, – все равно было бы смешно. А так – смешно вдвойне. Утешить вас может лишь то, что смех «приятелей» («Онегин, добрый мой приятель») не издевательский, а, скорее, горький: ведь такой смех – вариант проявления горя от ума.

Но и это еще не все. В шутке содержится романное пророчество: «резвая» Ольга, как известно, быстро забудет погибшего поэта, павшего от руки философа, лучшего своего друга (если не шутка, то ирония, причем, двойная), и выскочит замуж за улана.

Мой бедный Ленский! изнывая,
Не долго плакала она.
Увы! Невеста молодая
Своей печали неверна.
Другой увлек ее вниманье,
Другой успел ее страданье
Любовной лестью усыпить,
Улан сумел ее пленить,
Улан любим ее душою...

Променять поэта на улана. Что за душа! Ее не сразу разглядишь за грудью и плечами. Владимир (владеющий миром: этот мир создан явно не для одиноких евгениев, величественно-благородных гениев) Ленский верит в совершенства, но не умеет разбираться в людях, ибо он не умеет мыслить. Он проговаривается дважды. Он горько подшутил над собой, и, конечно, не заметил этого. А вот Онегин улыбнулся и по этому поводу. Если уж говорить о душе, то первой в этой связи следовало бы упомянуть Татьяну (что, собственно, Онегин и сделал: «Что Татьяна?»). Реакция Татьяны на проводы «молодых», Оли и улана,

подтверждает, что ее душа тонко, чутко и глубоко отзывается на несовершенства мира: «Но Таня плакать не могла; Лишь смертной бледностью покрылось Ее печальное лицо». Не там, не там искал поэт душу, пылко озабоченный душевными проблемами. Еще один повод продлить горькую улыбку. Поэт ничего не понимает в душе, которую он поэтизирует, ибо понимание души предполагает умение мыслить, «жить и мыслить», влекущее за собой, в частности, такую неприятную вещь, как «презрение к людям» и пр.

Таким образом, мы видим, что в этой шутке меньше всего шуточного. Шутка стала способом подачи серьезного материала: в этом и заключается одна из особенностей стиля «Евгения Онегина». Весь роман, собственно, состоит из подобных шуток, реплик, превращаясь в одну божественную шутку по поводу законов сочетания духа, души и тела. Доступен ли такой роман «простым людям»?

Это, конечно, шутливая постановка вопроса. Ответ хорошо известен.

Доступен ли такой роман «просто литературоведам», которые не придерживаются никаких методологий?

Ответ также известен: роман в стихах Пушкина недоступен литературоведению, наивно отвергающему методологию как способ познания художественности.

Литература

1. Здесь и далее текст романа «Евгений Онегин» цитируется по изданию: Пушкин А.С. Собр. соч.: В 10 т. /Изд-во «Правда». – М., 1981. – Т.4. (курсив мой – А.А.).
2. Андреев А.Н. Информационная структура личности как категория педагогики//Научные исследования и разработки. Социально-гуманитарные исследования и технологии. – 2018. – Т. 7. – № 3. – С. 15–19.
3. Гладков И.С., Зорина И.Ю. Развитие российской промышленности в XIX – начале XX веков//Региональная экономика: теория и практика. – 2009. – № 5. – С. 72–76.
4. Гладков И.С., Пилоян М.Г. Граф Е.Ф. Канкрин: воспоминание о будущем//Международная жизнь. – 2012. – № 13. – С. 148–157.
5. Гладков И.С., Пилоян М.Г. История мировой экономики: Научное издание/2-е издание. - М.: ИЕ РАН, Проспект. 2016. – 384 с.
6. Кащенко Т.Л., Положенцева И.В., Юлина Г.Н. Язык славян – язык взаимопонимания и любви//В сборнике: Консолидирующая роль русского языка как основа государственности России Сборник статей в рамках проведения мероприятий, направленных на поддержку, сохранение и распространение русского языка. Москва. – 2017. – С. 15–23.
7. Кащенко Т.Л. О ценностях молодежи с позиции реализма//В сборнике: Молодежь в современном обществе Сборник материалов Всероссийской заочной научно-практической конференции. под ред. С.А. Бурилкиной, Б.Т. Ищановой, О.Л. Потрикеевой, Е.Н. Ращичулиной, Г.А. Супруненко. – 2015. – С. 123–128.
8. Шатило И.С., Кащенко Т.Л. Гуманитарная культура как феномен духовности//Научные исследования и разработки. Социально-гуманитарные исследования и технологии. – 2013. – Т. 2. – № 3 (4). – С. 10–19.